

М. С. СЕРГЕЕВА

ЗООМОРФНЫЕ МОТИВЫ В ДЕКОРЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ КОСТИ С ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Врезном декоре изделий из кости, происходящих из древнерусских памятников Лесостепного Поднепровья, зооморфные изображения — далеко не самый распространенный мотив, однако они являются не только показателем уровня развития ремесла, но и явлением художественной культуры, чем вызывают несомненный интерес. Исследование их семантики в конечном итоге способствует решению вопросов, связанных с древнерусским язычеством. Последний аспект в какой-то мере затрагивался в литературе [1, с. 97—102, 106-107], в целом же изделия из кости с зооморфным декором до сих пор не стали объектом специального изучения. Настоящая работа призвана в какой-то мере заполнить возникший пробел.

Несмотря на немногочисленность рассматриваемых изделий, они используются на протяжении всего древнерусского периода, с X по XI — начало XII вв., хотя бытование конкретных типов вещей, разумеется, ограничено более узкими хронологическими рамками. Техника исполнения зооморфного декора была различной: объемная, рельефная, контурная резьба, при этом последняя использовалась крайне редко, несмотря на то, что в других видах декора (особенно в геометрической орнаментике) она была основной.

Наиболее многочисленной группой вещей с зооморфным декором являются изделия, украшенные с одного конца головами животных или птиц, выполненных в технике объемной резьбы. Они встречаются в Лесостепном Поднепровье, начиная с X в. Среди таких изделий прежде всего следует упомянуть хорошо известные острия из рога, завершенные головами хищников. В IX — XI вв. эти предметы были распространены по всей территории Руси, в том числе они встречаются в Киеве — в дохристианских погребениях в районе Десятинной церкви [2, с. 144 — 145; табл. VI, 3, VII, 5]. Для этого вида изделий предполагают как чисто практическое назначение: писала [3], орудия типа шильев [4, с. 86 — 87], так и ритуальное, рассматривая их как амулеты [5, с. 73 — 74; 6, с. 11], единого мнения по поводу их функционального назначения не существует. Наш взгляд, изогнутые острия вряд ли пригодны для использования в качестве писал, остальные упомянутые функции не исключены. Близким по форме, но с прямым, а не изогнутым корпусом является предмет с завершением в виде головы медведя, происходящий с Киевского Подола [7, рис. 15], из комплекса, датирующегося, согласно М. А. Сагайдаку, второй четвертью XI в. [8, с. 102]. Поверхность изделия тщательно заполирована, включая торец морды зверя, отверстие для подвешивания, обычное в изогнутых остриях, здесь отсутствует, что делает сомнительным возможность использования предмета как амулета [рис. 1, 3]. Функционирование как писал изделий такого типа, предложенное, в частности, для описываемой вещи [9, с. 329], не исключено.

С Киевского Подола происходит и неоднократно опубликованная рукоять плети, орнаментированная по корпусу и завершающаяся головой животного с острыми ушами

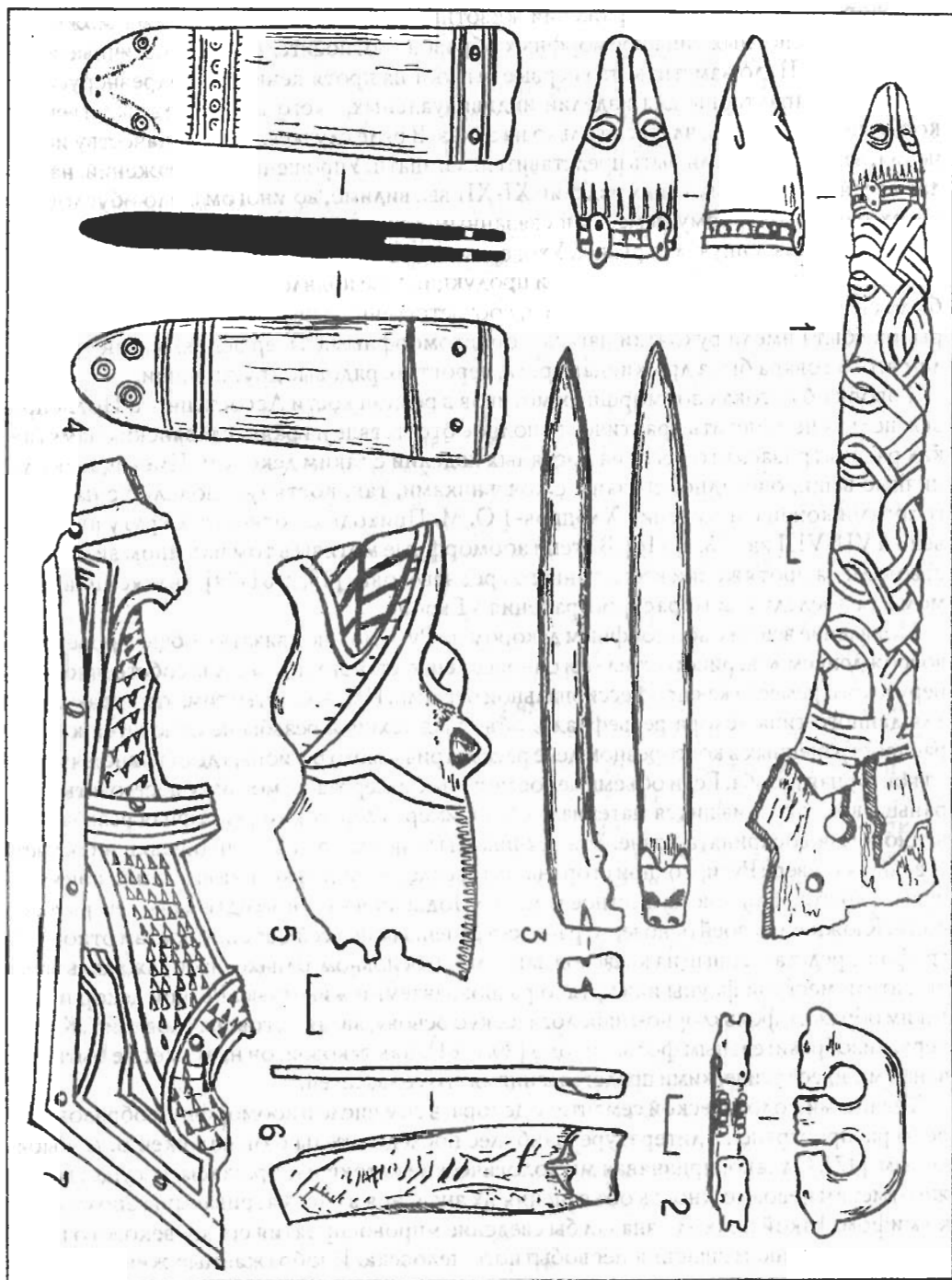
[10, рис. 15; 8, рис. 20]. Изделие выполнено очень тщательно, с проработкой деталей, что характерно для X в. Именно этим временем и датируют его авторы находки [10, с. 82]. Известны также ручки зеркал с зооморфными завершениями: из района Канева и из Шарков. Ручка из района Канева [рис. 1, 1] украшенная по корпусу рельефной плетенкой, выполнена с большим мастерством. Морда животного стилистически соотносится с резными каменными изображениями XII — первой половины XIII в., поэтому следует согласиться с П. П. Толочко, датировавшим изделие этим временем [11, с. 150]. Ручка из Шарков [рис. 1, 4] проще: она украшена обычным для рассматриваемого региона контурным линейным и циркульным узором, голова животного едва намечена, глаза выполнены при помощи циркуля. Изделие возможно датировать XI — XII вв.

Среди других категорий вещей с зооморфными завершениями следует упомянуть две практически идентичные пряжки, происходящие из Киева и Вышгорода, каждая из которых завершается с двух сторон головами медведей, а средняя часть — лапой этого зверя [рис. 1, 2]. Я. Е. Боровский рассматривает их в ряду парных изображений коней [1, с. 97], действительно одного из распространенных мотивов, связанных с традиционными верованиями славян, однако в данном случае медведи достаточно узнаваемы, кроме того, отождествить изображения с конями не позволяет звериная лапа.

Орнитоморфные мотивы в резной древнерусской кости также присутствуют, прежде всего они прослеживаются в завершениях распространенного типа копоушек, датирующихся по новгородской шкале древностей второй половиной XI — 70 гг. XII в. [12, с. 165]. В указанный период эти изделия бытуют на всей территории Руси и представлены единым типом, практически без вариантов: корпус такой копоушки украшен охватывающей его рельефной лентой или сеткой, конец, противоположный рабочему, завершала птичья голова, обычно петушиная, известны и изображения, менее поддающиеся отождествлению. Для данной категории изделий характерна стилизация птичьих голов. Стилизация, иногда до потери сходства с прототипом, когда от птицы оставался лишь клювовидный выступ, характерна и для орнитоморфных завершений рукояток нагаек XI — XII вв. [13, табл. XXV, 2, 3, 6; 14, рис. 2, 3]. В ряду этих изделий известны и реалистические изображения птиц, обычно хищных, однако они относятся к другим территориям, в частности, к Новгороду [15, рис. 179 — 180]. Изображения птиц целиком представлены небольшими скульптурками уток [16, рис. 2, 34, 35]. Б. А. Рыбаков называет их утконосями и видит в них амулеты [17, с. 549 — 550; рис. 91, 93]. Такая трактовка возражений не вызывает.

В технике рельефной резьбы декорировались плоские поверхности, особенно наклад-ки. Такие изделия немногочисленны, изготавливались они, очевидно, на заказ. К ним относится, в частности, накладка с Замковой горы (Киев), к сожалению, не связанная с датированными комплексами и сохранившаяся фрагментарно (рис. 1, 2). На ней изображен грифон. Изображение выполнено низким рельефом, чешуя на теле передана выемчатыми треугольниками. Следует упомянуть также фрагмент накладки X в. в виде оскаленной морды зверя (рис. 1, 5), найденный в Верхнем Киеве, и костяную пластинку, завершающуюся рельефной головкой совы [рис. 1, 6]. Последняя не имеет отверстий или каких-либо других следов крепления и возможно, является незаконченной. М. А. Сагайдак датирует слой, к которому она относится, 1-й четвертью X в. [8, с. 101], таким образом, предмет относится к числу наиболее ранних образцов киевского косторезного ремесла.

В качестве примера контурной техники, как отмечалось, редкой в данном типе декора, можно привести известный фрагмент рукоятки из Киева с изображением утки [9, с. 329]. Рисунок сделан уверенной рукой и, несомненно, принадлежит мастеру-профессионалу, а не владельцу вещи.

Рис. 1. Изделия из кости с зооморфным декором

1 — Княжа гора (Канев); 4 — Шарки; остальное — Киев.

Говоря о стилистике изображений животных на костяных изделиях, мы можем выделить два основных типа зооморфных образов — относительно реалистичные и стилизованные. Надо заметить, что первые бытуют на протяжении всего древнерусского периода и характерны для изделий индивидуальных, часто высокохудожественных, которые могли изготавливаться только на заказ. В ряде случаев, судя по качеству исполнения, заказчики могли быть представителями знати. Упрощение изображений, наблюдавшееся в некоторых типах изделий XI–XII вв., видимо, во многом было обусловлено переходом к товарному ремеслу и связанным с ним стремлением удешевить продукцию, предназначенную для рынка. Уховертка с орнитоморфными завершениями с полным правом можно назвать серийной продукцией. Ее появление, а затем исчезновение было связано с определенной модой и, соответственно, спросом. Более ограниченный рынок сбыта имели рукоятки нагаек с орнитоморфными завершениями — потребителем этого товара была дружинная среда, вероятно, рядовые дружинники.

Говоря об истоках зооморфных мотивов в резной кости Лесостепного Поднепровья, нельзя не заметить практически полное отсутствие на раннеславянских памятниках рассматриваемого региона костяных изделий с таким декором. Имеющиеся единичные вещи, очевидно, связаны с кочевниками, так, костяную поделку с парными головами коней с поселения Хлопков-1 О. М. Приходнюк относит к кругу аварских вещей VII–VIII вв. [18, с. 116]. В степи зооморфные мотивы в том или ином виде существовали на протяжении всего раннего средневековья [19, с. 61–79], являясь плацдармом для последующего распространения в Европе.

Появление вещей с зооморфным декором на Руси можно связать с общеевропейским возрождением «звериного стиля» и одновременно становлением в X в. собственно древнерусского ремесла как профессиональной отрасли. При этом отметим, что характерная для данного типа декора рельефная и объемная техника резьбы не относится к числу распространенных в косторезном деле рассматриваемого региона, где основной является контурная резьба. Если объемные зооморфные завершения могли существовать здесь раньше в несохранившихся материалах (например, в дереве), то рельефная резьба, очевидно, была воспринята извне. Эта техника была популярна в Скандинавии и соответственно на севере Руси, с одной стороны, и в ареале распространения византийской культуры, с другой. Влияние на местное ремесло Поднепровья могло идти как с севера, так и с юга. К южным в своей основе, но распространенным по всей Европе образам относится грифон, представленный на киевской накладке. В основном, однако, изображались представители местной фауны или трудно распознаваемые животные. Резной декор имеет, таким образом, фольклорно-мифологическую основу, являясь, говоря словами Г. К. Вагнера, «изобразительным фольклором» [20, с. 61]. Как таковой, он не может не быть связанным с идеологическими представлениями его создателей.

Тезис о мифологической семантике декора, в том числе и зооморфных образов, широко распространен в литературе, наиболее последовательно он изложен Б. А. Рыбаковым [17]. Однако, признавая мифологические истоки изображаемых существ, все же отметим невозможность объяснения их значения в рассматриваемую эпоху только мифом. Такой подход означал бы сведение мировосприятия средневекового горожанина к уровню мышления первобытного человека. Изображаемые животные, несомненно, обладали определенной значимостью, что особенно подчеркивается их единичностью. Отметим устойчивость традиции изображения голов животных, завершающих различные предметы. Как и «магические» знаки, зооморфные изображения не создают орнаментальных мотивов, где их самостоятельное значение неизбежно утратилось бы, как и любого другого элемента орнамента. Первоначальный смысл

собственно орнаментальных схем в средневековье вообще вряд ли сохранился, магические же знаки и зооморфные образы, судя по этнографическим параллелям, могли рассматриваться как обереги. Для изображений на амулетах значение оберега должно было оставаться единственным. Таким образом, речь идет не о мифологической, а о маги́ко-символической сущности образа, что не одно и то же. Для древнерусских амулетов данное положение достаточно убедительно обосновано Г. К. Вагнером [20, с. 54 – 60]. На примере искусства кочевников подобная смена семантики показана Г. А. Федоровым-Давыдовым [19, с. 61 – 79]. Таким образом, процесс имеет стадийный характер. Именно поэтому вряд ли можно без оговорок согласиться с Я. Е. Боровским, рассматривающим весь строй декоративной композиции рукоятки плети из Киева (см. выше) как отображение древнеславянской мифологической картины мира, где небесные и земные символы воплощены в поясах орнамента, а подземный мир олицетворяет голова его хозяина — ящера (так трактует исследователь зооморфное изображение, завершающее изделие) [1, с. 106 – 107]. Реконструированная картина мира сама по себе не вызвала бы возражений, если бы речь шла не о средневековой Руси, а о более раннем времени, однако ее крайне архаичная раннеземледельческая символика вряд ли воспринималась как система в X в., особенно в дружинной среде, в которой могла бытовать подобная вещь. Дружинная культура этого времени базируется уже на других ценностях и на ином мировосприятии, нежели архаический мифологизм. Одним из назначений образов, присутствующих на воинских вещах, была репрезентативность, символом которой часто становились звери, особенно хищники, а также фантастические существа, олицетворяющие силу и воинскую доблесть. Среди последних назовем прежде всего грифона [21, с. 252 – 254]. Ящер, змей, как и любое другое подобное животное, сохраняя апотропеическую функцию, мог одновременно наделяться и указанными качествами. Сравним роль змея как одного из противников героя в былинах, где этот персонаж несет совершенно иную идеологическую нагрузку, чем в ранней мифологии. Однако, возвращаясь к конкретной анализируемой вещи, отметим, что изображенное здесь животное не соответствует традиционным иконографическим типам хтонического существа, ящера, приведенным, например, Б. А. Рыбаковым [17, рис. 57, 61, 95]. С большим основанием здесь можно видеть голову копытного, предположительно лошади. С ящерами можно связывать изображения на остриях из киевских погребений, подобное же мифологическое существо узнается на завершении ручки зеркала из Шарков, с меньшей долей вероятности — на каневской ручке. Изображения животных такого плана на ручках зеркал согласуется с ритуально-магической ролью зеркала, засвидетельствованной, правда, более поздними источниками (в частности, фольклором), однако, возможно, имеющей древние корни. Учтем подобную его роль у степных народов, начиная с сарматов, и заимствованный характер зеркала на Руси, где эта категория изделий известна главным образом на поселениях, расположенных в зоне контактов с кочевым миром. Вместе с самим предметом могли восприняться и связанные с ним представления.

Интересно отметить некоторое распространение в декоре изделий из кости образа медведя. Его появление следует связать с более северными влияниями, поскольку почитание медведя в той или иной форме характерно для населения лесной зоны (угрофины, балты, славяне лесной полосы) — естественного ареала обитания этого зверя. У славян медведь непосредственно соотносился с культом Велеса-Болоса, отголоски чего сохранялись еще долгое время после принятия христианства [22, с. 94 – 110]. Таким образом, медведь являлся символическим образом, связанным с определенным божеством. Вряд ли можно видеть в рассматриваемых изображениях проявле-

ние культа медведя, который следует относить к промысловым культам, характерным для народов с охотничьим хозяйством, стадильно более ранним. Культ зверя предполагает поклонение именно этому зверю как таковому.

Символическим, а не мифологическим, содержанием, по мнению Г. К. Вагнера, были наделены уже скифо-сарматские звериные образы, хотя символы здесь и уживались с остатками магических представлений [21, с. 252]. Тем более отношение к зоо- и орнитоморфным существам не могло быть иным в средневековой Руси. При этом массовое тиражирование подобных изображений и последующее их упрощение, прослеживаемые со второй половины XI в., может свидетельствовать о постепенном угасании их магической роли и выходе на первый план чисто декоративных функций, хотя в определенном ритуальном контексте прежняя символика зооморфных образов могла осознаваться еще длительное время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боровський Я. Є. Світогляд давніх киян.— К., 1992.
2. Каргер М. К. Древний Киев.— Т. 1. — М.; Л., 1958.
3. Медынцева А. А. Древнейший тип инструментов для письма на территории древней Руси // Древнерусский город.— К., 1984.
4. Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья // МАР.— СПб., 1895.— № 18.
5. Моця А. П. Население Среднего Приднепровья IX—XIII вв. (По данным погребальных памятников).— К., 1987.
6. Михайлова Г. Д. Особливості обробки кістки в Південно-Західній Русі (X — перша половина XIV століття).— К., 1991.
7. Толочко П. П., Гуцало К. М., Харламов В. С. Розкопки Києвоподолу 1978 р. // Археологічні дослідження стародавнього Києва.— К., 1976.
8. Сагайдак М. А. Давньокіївський Поділ. Проблеми топографії, стратиграфії, хронології.— К., 1991.
9. Новое в археологии Киева.— К., 1981.
10. Ивакин Г. Ю., Степаненко Л. Я. Раскопки в северо-западной части Подола в 1980-1982 гг. // Археологические исследования Киева 1978-1983 гг.— К., 1985.
11. Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII вв.— К., 1980.
12. Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода.— М., 1982.
13. Довженок В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О. Древньоруське місто Воїнь.— К., 1966.
14. Шовкопляс Г. М. Давньоруські кістяні вироби з розкопок В. В. Хвойка // Середні віки на Україні.— К., 1971.— Т. 1.
15. Василенко В. М. Русское прикладное искусство. Истоки и становление.— М., 1977.
16. Моргунов Ю. Ю. Находки из Жовнина в музеях Полтавщины и Черкасщины // Археологія Полтавщини.— Полтава, 1991.
17. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси.— М., 1987.
18. Приходнюк О. М. О территории формирования и основных направлениях распространения пеньковской культуры // Древности Юго-Запада СССР.— Кишинев, 1991.

19. Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды.— М., 1976.
 20. Вагнер Г. К. Проблема жанров в древнерусском искусстве.— М., 1974.
 21. Вагнер Г. К. Судьбы образов звериного стиля в древнерусском искусстве // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии.— М., 1976.
 22. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей.— М., 1982.

SUMMARY

The article gives semantic analysis of zoomorphic images on ancient Russian bone handicrafts. It was found out that the volumetric, relief and contour fretwork was applied for the usage of zoomorphic decorum. The emergence of these items in Russia is connected with the general European renaissance of the «animal style». Admitting mythological sources of zoomorphic patterns, the author proves that in X — XIII centuries most of them did not have a mythological content, but a symbolic one.

